

ДЖОРДЖЕТ

ХЕЙЕР

Джорджет Хейер – родоначальница популярного жанра «любовный роман в стиле эпохи Регентства», автор историко-приключенческих произведений, писательница, чьи книги в XXI веке переживают второе рождение.

Она обращалась к криминальному жанру не так уж часто, однако ее книгами восхищалась Агата Кристи и они считаются классическими образцами английского детектива.

GEORGETTE
HEYER

.....

DETECTION UNLIMITED

.....

ДЖОРДЖЕТ

ХЕЙЕР

.....

КОМУ ПОМЕШАЛ
СЭМПСОН УОРРЕНБИ?

.....

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
Х35

Серия «Золотой век английского детектива»

Georgette Heyer
DETECTION UNLIMITED

Перевод с английского
А. Кабалкина

Серийное оформление и компьютерный дизайн
В. Половцева

Печатается с разрешения Heron Enterprises Ltd
и литературного агентства The Buckman Agency.

Хейер, Джорджет.

Х35 Кому помешал Сэмпсон Уорренби? : [роман] / Джорджет Хейер ; [перевод с английского А. Кабалкина]. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 320 с. — (Золотой век английского детектива).

ISBN 978-5-17-117366-1

Убийство провинциального юриста Сэмпсона Уорренби никого не опечалило, скорее прямо наоборот. Но преступление есть преступление, и убийца должен понести заслуженную кару.

Однако на сей раз у инспектора Хемингуэя особенно много подозреваемых: ведь Уорренби успел насолить абсолютно всем, кто хорошо его знал, — от собственной племянницы и ее возлюбленного до местного сквайра, от соседа писателя до отставного майора, разводящего пекинесов.

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© Georgette Heyer Rougier, 1953
© Перевод. А. Кабалкин, 2016
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2019

ISBN 978-5-17-117366-1

Глава 1

Мистер Тэddieас Драйбек, сойдя с аккуратной гравийной дорожки, проложенной от его дома к дороге, обнаружил, что дальнейшее движение затруднено и даже невозможно ввиду внезапной атаки свирепой своры пекинесов, принявшихся с астматическим хрипением прыгать у его ног. Преодолев побуждение смахнуть их на обочину теннисной ракеткой, он загородил ею свои ноги, поскольку одна из шавок миссис Миджхолм слыла кусачей.

— Кыш! — раздраженно зашипел Драйбек. — Пошли прочь!

Пекинесы, доведенные до иступления такой пренебрежительностью, усилили натиск, одна собачонка даже покусилась на ракетку Драйбека.

— Пеки, Пеки! — раздался воркующий любящий голосок. — Фу, негодницы! Живо назад, к мамочке! Они просто шалят, мистер Драйбек.

Три пекинеса, сочтя ситуацию исчерпанной, утратили интерес к Драйбеку, однако четвертый, решительно преградив ему дорогу, тьякал и рычал на него до тех пор, пока не очутился на руках у хозяйки, ограничившейся шутивным шлепком и заявившей:

— Разве не прелесть? Это старшенькая, мое сокровище! Ну-ка, попроси прощения у бедного мистера Драйбека.

Опасаясь, что снова станет объектом травли, Драйбек отшатнулся.

— Вы ее обидели! — заявила миссис Миджхолм, целуя собачку в голову. — Видишь, Урсула, он отказывается пожать тебе лапку. Не обращай внимания.

В вытарашенных глазенках Урсулы читалось скорее омерзение, чем обида, однако Драйбек оставил это наблюдение при себе и объяснил:

— Боюсь, я не любитель собак.

— Уверена, вы их любите! — возразила миссис Миджхолм, не желавшая судить о ближнем дурно. Глаза навывкате, слегка похожие на глаза ее любимиц, оглядели соседа с одобрением.

— Полагаю, вы собрались к Хасуэллам, — пронизательно промолвила она. — Вы, наверное, заядлый теннисист?

Драйбек отверг это предположение, хотя был с ним согласен. В молодости он посвящал теннисным состязаниям все летние каникулы и нередко побеждал, о чем свидетельствовала выставка кубков на каминной полке у него в столовой. Стиль игры был старомоден, как и он сам, но молодежь, считавшая его музейным экспонатом, на корте порой обламывала об него зубы. Драйбек был адвокатом, последним выжившим членом фирмы, давно обособившейся в соседнем Беллингэме. Старый холостяк, он служил воплощением собранности и отвергал современный прогресс почти во всех его проявлениях, чем и объяснялось неуклонное сокращение его клиентуры. Старейшины местности, где

6 Драйбек прожил всю жизнь, еще хранили

ему верность, более же молодые предпочитали методы его ненавистного соперника Сэмпсона Уорренби, выскочки, проработавшего в округе жалких полтора десятка лет. Быстро развившееся дело Сэмпсона Уорренби, начинавшееся как пустячная заноза в пятке у Драйбека, стремительно приобрело угрожающие масштабы, а с того злосчастного дня вскоре после окончания войны, когда дурной вкус повлиял на его решение переселиться из Беллингэма в доселе изысканный Торнден, разгневанный Драйбек окончательно лишился возможности игнорировать его существование. Приобретенный Уорренби дом располагался в проулке, выходившем на главную беллингэмскую дорогу чуть ли не напротив маленького наследственного гнездышка Драйбека.

— Увы, мои теннисные деньки уже позади, — посетовала миссис Миджхолм. — Зато вы встретите там моего Лайона.

Это предупреждение не вызвало у Драйбека тревоги. Майор Миджхолм, нареченный Лайоном родителями-оптимистами, мечтавшими вырастить льва, был скромненьким, застенчивым и терялся в тени добросердечной, но полностью подавлявшей его супруги.

— Дойду-ка я с вами до угла, — продолжила миссис Миджхолм, беря Урсулу под мышку. — Или вы пойдете по проулку?

Проулком пользовалась мисс Паттердейл, снимавшая угловой домик, и Уорренби, проживавший напротив общинного выгона. Дальше, за приступкой, тянулась вдоль большого сада Хасуэллов и восточной стороны владений сквайра тропинка, выходившая на северную, вспомогательную дорогу на Беллингэм. В дальнем углу

сада Хасуэллов имелась калитка, но несмотря на то, что пользование ею изрядно сокращало путь, Драйбек считал неуместным ходить через нее. Он вежливо зашагал рядом с миссис Миджхолм и проводил ее до главной деревенской улицы. Поскольку пекинесов приходилось постоянно увещевать, разговор получился отрывочным. Драйбек, морщась при каждом крике своей спутницы, обращенном к Умбрелле, Умберто и Уппиш, не переставал напоминать себе, что Флора Миджхолм — женщина добросердечная и решительная, не жалующаяся на тяготы сократившегося дохода, отказавшаяся от служанки, разводящая собак для заработка и всегда демонстрирующая окружающим довольство своей участью. Смущали его разве что абсурдные клички, которыми она награждала своих питомцев.

Последнее было, впрочем, неизбежно. Уволившись с военной службы, майор Миджхолм построил бунгало в Торндене, в конце деревенской улицы, там, где обрывалось мощеное покрытие дороги и начинался проселок, ведущий через поля к маленькой ферме. Миссис Миджхолм взбрело в голову назвать дом «Ультима Фула»*, а когда она со временем взялась за разведение пекинесов, слово «Ультима» показалось ей единственной логичной приставкой к их кличкам. Ультима Улисс и Ультима Уна, прародители многочисленного и прибыльного рода, были наречены в припадке вдохновения, за ними последовали Урсула, Урбан и Урания. Установилось правило чередования, тем более

8 * Местность к северу от Британии, которую античные географы считали крайним пределом обитаемого мира. — *Здесь и далее примеч. пер.*

что выбор подходящих кличек угрожающе быстро иссякал. Его окончательно исчерпали Умберто, Урия и Укица, и щенки последующих поколений получали клички уже просто из словаря. «Подумаешь! — восклицала неунывающая миссис Миджхолм. — Зато какие они чудесные! Унреди выиграл на собачьей выставке “Крафтс” в Бирмингеме два главных и два вторых приза!»

В перерывах между обращенными к Умберто, Умбрелле и Уппиш призывами покинуть чужие владения миссис Миджхолм сообщила своему спутнику, что ее тоже приглашали в «Кедры» любоваться теннисом и пить чай, но ей пришлось отказаться.

— Скажу вам начистоту, мистер Драйбек, я сомневаюсь, что смогла бы сдержаться!

— Неужели? — изумился Драйбек.

— Представьте! — Миссис Миджхолм сверкнула глазами. — Вдруг мне пришлось бы говорить с мистером Уорренби? Если он там, что вполне вероятно, то ничто не заставит меня смолчать. Лучше мне туда не ходить.

— Жаль! Я не знал, что между вами и Уорренби пробежала кошка.

— Это случилось вчера. Хотя я всегда недолюбливала его. Между нами говоря, после того как в войну Уорренби повел себя с Лайоном, когда тот возглавил местное ополчение, он перестал для меня существовать. Но я не подозревала, что он может быть жестоким с беззащитными животными!

— Надо же! — покачал головой Драйбек. — С какой-то из ваших собак?

— С Улиссом! Представляете? Я заглянула к несчастной племяннице Уорренби, чтобы обсудить вечер консервативного виста, и за-

хватила с собой этого старого песика. А он, него-
дяй, пнул его ногой!

— Боже правый! — ахнул Драйбек. — Пнул?

— Я глазам своим не поверила! Да еще посмел оправдываться! Я спросила, почему мой ангелочек взвизгнул и прибежал в дом, хромяя, а ему хватило наглости ответить, что он пинком согнал его с клумбы. Я буквально взорвалась!

Драйбеку было нетрудно поверить в это. Даже сейчас грудь миссис Миджхолм так вздымалась от волнительных воспоминаний, что грозила лопнуть, а лицо, и без того румяное, побагровело.

— Я бы много чего ему наговорила, но пощадила бедняжку Мэвис. Она не виновата, хотя, скажу вам начистоту, Мэвис дурочка, что не проявила твердости. Что ж, если ей нравится быть безвольной тряпкой, меня это не касается. Иное дело, когда страдают мои обожаемые крошки! Он ни словечка от меня не услышит, пока не извинится! Если бы я пришла в «Кедры» и столкнулась там с ним, то выложила бы все, что о нем думаю. Миссис Хасуэлл было бы неудобно. Вот я туда и не иду. — В приступе любви она еще крепче зажала Урсулу под мышкой и добавила: — И вообще, Мэвис надо было наказать его и сбежать с тем поляком. Вряд ли она так поступит, я надеюсь, она не натворит глупостей, потому что какой с иностранца прок?

— Поляк? — рассеянно произнес Драйбек.

— Разве вы с ним не знакомы? Он работает в «Бесайд» и живет на дальнем краю улицы с котеджами, за вами. Во всяком случае, ночует там, у старой миссис Докри.

— Я не встречал этого молодого чело-
10 века, — проговорил Драйбек тоном, в кото-

ром не звучало пылкого желания устранить это упущение.

— И немудрено, он здесь недавно. Вообще-то поляк вполне приличный, у его отца вроде бы были в Польше земли, но кто их, иностранцев, разберет? Я видела поляка у Линдейлов, но его, конечно, не все приглашают. Не знаю, как с ним познакомилась Мэвис, но совершенно не удивлена, что он ей приглянулся. Он очень привлекателен: ладный, и манеры превосходные. Бедной Мэвис просто некуда было деваться!

— Это, случайно, не молодой брюнет, гоняющий на ужасно шумном мотоцикле? — неприязненно осведомился Драйбек.

— Он самый, Ладислас Зама и как-то там дальше... Никак не выговорю! А вот и Лайон! Смотрите, кто идет, Пики! Бегите к папочке!

За разговором они добрались до перекрестка. Слева виднелась невыразительная фигура майора Миджхолма, пытавшегося уберечь свои белые брюки от наскоков лающих собачонок. Вправо тянулась деревенская улица с церковью и домом vicария. Вбок от улицы уходила дорожка к усадьбе «Кедры», а дальше на ней располагались лавочки и живописные коттеджи, а также дом эпохи королевы Анны — собственность Гэвина Пленмеллера, тонувшая в окруженном стеной саду. Улицу обозначали живые изгороди по обеим сторонам, и, миновав открытое пространство, она упиралась во все еще величественные, хоть и изрядно обветшавшие, ворота «Олд-плейс», жилища сквайра.

Торнден не мог похвастаться деревенской лужайкой, здесь не обитали семейства с многовековой историей, зато можно было найти

дома, построенные в изящные времена. Любой агент по недвижимости назвал бы их «резиденциями джентльменов», — выдавшие виды, но по-прежнему привлекательные наполовину бревенчатые постройки — и перпендикулярную церковь времен короля Якова с крестной перегородкой, фотографии которой красовались как минимум в трех альбомах по церковной архитектуре. Дом священника, построенный при королеве Виктории, определенно предназначался для большого семейства. Помимо «Олд-плейс», не лишённого очарования сооружения шестнадцатого века, пусть и расширенного последующими поколениями, глаз ласкала розово-красная жемчужина Гэвина Пленмеллера на Хай-стрит, основательный георгианский особняк Генри Хасуэлла в конце Вуд-лейн и старый, но все еще внушительный дом Сэмпсона Уорренби на Фокс-лейн. Неудурно было и незамысловатое, вполне приличное жилище Драйбека на дороге из Триндейла в Беллингэм. Деревня, включая Олд-плейс с его обширным участком, занимала больше половины треугольника, образованного дорогами между Беллингэмом и Триндейлом на юге и Хоксхэдом на севере. Меньшая часть треугольника была отведена под общественный выгон, по которому, правда, тянулась северная дорога. Сюда выходили фасадами патриархальный и чрезвычайно неудобный дом мисс Паттердейл и Фокс-Хаус Уорренби. Общественная земля была каменистой, с рытвинами и кустами утесника. Местная детвора играла здесь в футбол и в крикет, а мисс Паттердейл пасла двух своих коз.

Майор Миджхолм, отогнав пекинесов, присоединился на углу улицы к супруге и к Драйбеку.

12 Он был невысок, худощав, седоват, с ще-

точкой усов. Поскольку он вышел в отставку в чине всего лишь майора, то считалось, что его военная карьера не задалась, однако на втором году войны, когда создали местное ополчение, Миджхолм удивил соседей неожиданными талантами. Ему, единственному в округе военному, не подлежавшему по возрасту мобилизации, поручили набирать и обучать первых рекрутов. На этом поприще майор Миджхолм добился выдающихся успехов и даже склонил двух известнейших местных браконьеров не только встать под знамена, но и являться порой на занятия по строевой подготовке. Это была, без сомнения, его стихия, и война пришлась ему по душе. С наступлением мира майор Миджхолм опять отступил на роль второй скрипки при жене, которая, как ни странно, никогда не переставала потчевать знакомых баснями о его военных подвигах, мудрости в гражданских делах и способности блестяще выходить из любой сложной ситуации.

Сейчас она встретила мужа весело и радостно:

— Какая приятная встреча, Лайон! Идешь в «Кедры»? Передай от меня привет миссис Хасуэлл. Какие новости?

Майор, поприветствовав Драйбека небрежным кивком и такой же улыбкой, ответил:

— Никаких.

— Слава богу! — воскликнула миссис Миджхолм, восполняя своим воодушевлением все, чего недоставало в голосе мужа. — Я сомневалась, уходить ли из дому, потому что она вела себя немного беспокойно. — Заговорщически улыбаясь Драйбеку, она посвятила его в тайну, игриво добавив: — Прибавление семейства! Первый помет моей бесценной Уллапулы!

Драйбек не придумал лучшего ответа, чем: «Неужели?» Совестьливый майор, старавшийся найти оправдание всем изрекаемым женой глупостям, виновато промолвил:

— Эти маленькие проказники такие нежные!

— Нет, Лайон, не нежные! — возразила миссис Миджхолм. — Просто с первым пометом надо быть настороже. Уллапула станет искать мамочку, чтобы я подержала ее за лапку. Все, я убегаю! Желаю вам обоим хорошей игры. Идемте, Пики! Догоняйте мамочку!

Махнув рукой, она засемила прочь. Двое мужчин зашагали в противоположную сторону, к Вуд-лейн.

— Пекинесы невероятные умницы, — доверительно поведал майор. — А как они любят охоту! По их виду этого не скажешь, но они не пропускают ни одной кроличьей норы.

Драйбек, кое-как изобразив на лице фальшивый интерес, выдал: «Вот как?» — и приступил к тщетным попыткам найти хоть какое-то дополнение к своему кислому ответу. К счастью, они уже достигли первой лавки, где торговали бакалеей, галантереей и канцелярскими принадлежностями. Здесь же размещалось почтовое отделение, откуда, к облегчению обоих собеседников, появилась мисс Мириам Паттердейл, наклеивая марку на открытку. Кивнув мужчинам и опустив открытку в почтовый ящик, она сказала:

— Это в прачечную. Послушаем, какую отговорку они придумают на сей раз? Вы, наверное, к Хасуэллам? Там Абби. Говорят, она неплохо играет.

— Мало сказать — неплохо! — оживился Драйбек. — Такой сильный удар слева редко

14 встречается у слабого пола.

— Чушь! — скривилась мисс Паттердейл, безжалостно отвергая услышанное. — Сколько можно задерживаться в эдвардианских временах, Тэддиас? Зла на вас не хватает!

— Боюсь, я слишком старомоден.

— Тоже мне, предмет гордости! — усмехнулась мисс Паттердейл.

Драйбек прикусил язык. Хотя он был знаком с мисс Паттердейл, загубелой старой девой, уже много лет, она не перестала внушать ему страх. Угловатая остроликая особа одевалась строго, коротко стригла седые волосы и не появлялась без монокля в глазу. Последнее, впрочем, вводило в заблуждение: она и с этим приспособлением оставалась подслеповата. Старшая дочь приходского священника, мисс Паттердейл после смерти отца десять лет назад переселилась из его дома в съемный коттедж на углу Фокс-лейн, но и из этого убогого жилища продолжала тиранить паству действующего vicar, за что тот был ей исключительно признателен. Жена преподобного Энтони Клиберна была скромной и застенчивой, и он не мог нахвалиться на добровольную помощницу, взвалившую на себя столько хлопот, тем более что между двумя женщинами царил полное взаимопонимание. Миссис Клиберн часто повторяла, что без Мириам они с мужем были бы как без рук, а сама мисс Паттердейл, отвечая на похвалы, великодушно возвещала, что Эдит, невзирая на свое безволие и отсутствие здравомыслия, желает творить только добро и очень старается.

— Вы доставите нам удовольствие, наведавшись в «Кедры», мисс Паттердейл? — нарушил неловкое молчание майор.